

ви,—и именно изъ простонародья—поучителенъ и любопытенъ во многихъ отношеніяхъ.

Конечно прежде всего это—остатокъ очень почтенной древности: это—выходцы изъ отдаленныхъ временъ нашей исторіи, воспитанники и подражатели первыхъ наставниковъ нашихъ въ вѣрѣ и религіозныхъ обычаяхъ—грековъ. Появленіе этого оригинальнаго типа несомнѣнно относится къ той эпохѣ, когда паломничанье было въ общемъ обычаѣ, когда выходилъ на промыселъ всякой пѣшкомъ, когда, бродя на своихъ доморощенныхъ ногахъ, справлялъ работы своего досужества, умѣнья и знанія всякій ремесленникъ; когда пѣшкомъ ходила даже самая торговля. Ходилъ изъ конца въ конецъ Православной Руси и странникъ за усерднымъ подаваніемъ, «апостольскимъ способомъ въ подвигъ добромъ подвизался», и притомъ съ такимъ сердечнымъ убѣжденіемъ, что способъ этотъ глубоко укоренился и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ и въ нетронutomъ видѣ дожилъ до нашихъ временъ. Проторили съ тѣхъ поръ пошире дороги, покрѣпче укатали ихъ, облегчили пути коннымъ, а прошаки (кое съ кѣмъ изъ ремесленниковъ и торговцевъ) все еще на своихъ на двоихъ, ходятъ пѣшими. Гдѣ присядетъ онъ христа-ради на облучкѣ попутной телѣги, гдѣ воспользуется парходомъ или перевозомъ, а то—все больше пѣшкомъ по окольнымъ дорогамъ, которыя, какъ и онъ, все еще, во множествѣ мѣстъ, въ томъ же первобытномъ историческомъ видѣ. Столько же и теперь труденъ его подвигъ по безлюдью и бездорожью, какъ и тогда, когда заветшали церкви на погостахъ, выстроенныхъ удѣльными князьями въ своихъ отчинахъ и дѣдинахъ, по примѣру первой христіанки Ольги (установившей погосты по рѣкамъ Мстѣ и Днѣпру), и когда собственно впервые и проявился на Св. Руси этотъ почтенный классъ дѣятелей и дѣлателей.

И теперь ученый историкъ, любознательный археологъ съумѣютъ распознать въ лицѣ прошака любезные признаки почтенной древности: въ простотѣ и краткости просительнаго стиха, не владающаго разнообразіемъ и избыткомъ жалобныхъ словъ (хотя бы по примѣру арестантовъ, которые выучились вымаливать доброхотныя подаванія цѣлой складной пѣсней). Въ самомъ напѣвѣ въ два тона, по образцу

всѣхъ духовныхъ стиховъ, старинъ и былинъ, распѣваемыхъ старцами и слѣпцами,—тотъ же археологическій признакъ, указывающій на почтенное время бѣдности мотивовъ и отсутствія мелодій: речитативъ съ пригнуской. Не дальше стоитъ онъ выкриковъ нищихъ, и далеко еще ему хотя бы и до того вычурнаго крика, на который, напримѣръ, здѣсь же, въ Петербургѣ, раздаются припѣвы приглашающихъ купить «цвѣты—цвѣточки» и т. п. Одна только книжка въ рукахъ—продуктъ новѣйшаго времени, слабо вѣрующаго чужой совѣсти, среди соблазна мѣдными, серебряными и бумажными деньгами (очень часто довольно крупными). Кое-кто и писать умѣетъ, стало быть, не полѣнится и записать, а письменному человѣку (секретарю консисторіи) легко повѣрить все ли донесъ, что записано въ книгѣ: прошнурованныхъ же и занумерованныхъ листовъ вырвать нельзя,—засудятъ за то.

Конечно, и въ наши дни, какъ и въ далекія времена сѣдой старины, сзади сборщика—прошака разрушающаяся деревянная или каменная церковь. Расползлись или вывѣтрились углы ея; стали сквозить вѣнцы, начало дуть изъ-подъ полу: коченѣютъ ноги молещниковъ; руки священниковъ затрудняются сдерживать святыя дары; осенній дождикъ врывается въ храмъ Божій ручьями.

— Да хорошо бы и старый колоколъ подмѣнить новымъ: звонарь съ пьяныхъ глазъ разбилъ,—дребезжитъ и не даетъ яснаго гулку. Я на себя обѣтъ такой положилъ, что въ гробъ не лягу, пока не заведу, на помятъ души моей грѣшной,—краснаго звону.

— Ризы обветшали,—съ плечъ лезутъ. Книги грамотѣи наши всѣ поизмызгали, да закапали, да оборвали, да растеряли: ни пѣть, ни читать!..

— Мало-ли и въ самомъ дѣлѣ всякой нужды церковной?

— Оскудѣло благочестіе: много народа въ расколъ уходитъ; сталъ народъ отъ церкви отбѣженъ.

— Еще больше уходитъ его отъ своей великой домашней нужды на чужую сторону: о серебряномъ ли кадилѣ для сельской церкви думать ему, когда онъ самъ ушолъ кормиться подъ чужіе звонкіе столичные колокола?

Какъ въ давнюю старину народъ, обманутый холодной землей и

обиженный безхлѣбьемъ и голодовками, брелъ врозь послѣ Юрьева дня осенняго искать новаго приволья и лучшихъ мѣстъ, такъ и теперь все больше и больше тянется онъ изъ-подъ погостовъ съ могилками родителей туда, гдѣ охотнѣе даютъ деньги и сытнѣе кормятъ. А остальцамъ на старыхъ пепелищахъ и теперь, какъ и въ старину, не подъ силу класть новыя заплаты на старыя широкія прорѣхи, а «матушка-церева» стала требовать коренной перетруски отъ главъ до основанія.

Все, словомъ, по старому. Измѣнилось лишь одно: съ каждымъ годомъ число прошаковъ уменьшается. Скоро можетъ случиться такъ, что этотъ коренной народный русскій типъ исчезнетъ съ лица земли нашей (уничтожить его очень легко: большого труда не стоитъ), и, сдѣлавшись достояніемъ исторіи, станетъ предметомъ догадокъ и изслѣдованій археологовъ.

Поспѣшимъ всмотрѣться въ нихъ, хотя съ тою цѣлію, чтобы и совсѣмъ распрощаться: довольно они пожили, довольно походили по свѣту. Впрочемъ, мы съ тою цѣлію и начинаемъ со сборщиковъ, что предполагаемъ говорить о тѣхъ, которые еще ходятъ въ то время, когда другіе ѣздятъ, еще покоятъ о томъ, о чемъ можно давать вѣденіе иными многочисленными облегченными способами; глупо толпятся тамъ, гдѣ мѣшаютъ входу и выходу другихъ и смѣшиваютъ свои выкрики съ предложеніями настоящихъ торговцовъ; словомъ, еще живутъ и дѣйствуютъ примѣтной силой, хотя на мѣсто ея можетъ встать другая сила, гораздо помоложе. Вообще запоздалые цѣлымъ вѣкомъ прошаки отстали отъ нашего мудренаго времени на столько, что кажутся одѣтыми въ гробовой саванъ, отъ котораго вѣетъ сыростью, какъ отъ стараго пергаментнаго фоліанта, какъ изъ монастырскихъ безпросвѣтныхъ погребовъ.

Поспѣшимъ присмотрѣться. Сначала, впрочемъ, попробуемъ прилечь.

Сколько бы однообразенъ ни былъ покррой платья, употребляемаго сборщиками, умѣющими на этотъ разъ сдѣлать такъ, какъ говоритъ пословица, что всѣ волки ночью сѣры, тѣмъ не менѣе опытное ухо, прислушавшееся къ народному говору, не затруднится отгадать приблизительно, съ какой стороны Руси пришелъ этотъ незнакомецъ.

Иногда нѣтъ нужды прибѣгать къ продолжительному съ нимъ разговору, чтобы наловить много признаковъ, характеризующихъ родину.

Одно даже слово, неизбежное въ его просительномъ припѣвѣ, «церковь», сѣмѣтъ указать откуда вылетѣла птица. Церковь, такъ какъ мы это слово пишемъ и произносятъ его люди образованные, принадлежитъ говору центральной Россіи, выросшей подъ вліяніемъ Москвы. Новгородчина, такъ сказать глухая лѣсная Русь, умудрилась выговаривать это слово «цѣрква». Затѣмъ если изъ ближайшихъ къ Москвѣ жителей кто выговорилъ «черковь», то это несомнѣнно тверякъ или вообще житель верхней Волги, всего вѣрнѣе изъ города Торжка. Если же сѣмѣлъ отчеканить такъ, что стало «тшерковь» то смѣло говорите ему, что онъ вязниковецъ или изъ тѣхъ владимірцевъ, которые живутъ ближе къ Окѣ. За Окой, въ южной части Нижегородской губерніи, говорятъ уже «черква», не по закону, а по обычаю той новгородчины, которая любитъ измѣнять ц въ ч, чвакать (и на оборотъ, словно нѣ-смѣхъ) во всей обширной мѣстности отъ псковскаго Порхова до Ладоги и отсюда до Бѣлоозера на Вологду и на Вятку. Въ отличіе отъ всѣхъ и на удивленіе всѣхъ, владимірскій переяславецъ выговариваетъ даже «цѣрква».

Тутъ и тамъ древняя Русь настроила монастырей и церквей въ такомъ обиліи, что какой-нибудь маленькій олонецкій Каргополь владѣтъ 2-мя монастырями и 22-мя каменными церквами, при 2-хъ тысячахъ жителей; Вологда съ 51-ой церковью и 2-мя монастырями, при 18-ти тысячахъ, и т. под. Наслѣдіе прадѣдовъ, отъ различныхъ невгодъ ушедшихъ за Уралъ въ качествѣ первыхъ поселенцовъ Сибири, досталось въ такомъ размѣрѣ, что 100 человекъ должно содержать причтъ и поддерживать церковь. А такъ какъ весь сѣверъ значительно опустѣлъ и годъ отъ году пустѣетъ народомъ все болѣе и болѣе за то, что плохо и неувѣренно кормить, держать въ постоянной прѣголоди, и гонить вонъ на чужую сторону, — то само собой и «матушка-черква» нуждается въ такомъ ходатаѣ, который походилъ бы отъ нея, помолилъ бы за нее доброхотныхъ дателей.

Откуда бы ни сошлись сборщики подаяній, одному — двумъ изъ полуголодной сѣверной Россіи между ними неизбывное мѣсто.

Еще прислушаемся:

— На чѣ имя сбираеть, какія имена чувствуетъ и поминаеть?

—Никола Угодника.

Мало: слабъ этотъ признакъ, не смотря на то, что Угоднику большое уваженіе на Руси за то, что расселялась Русь по рѣкамъ, по озерамъ, много плавала, подвергалась многимъ опасностямъ отъ воды, а епископу мирликійскому приписывается покровительство пловцамъ и мореходамъ. Особенно чувствуютъ его при самыхъ рѣкахъ, моряхъ и озерахъ. По безлюдью Бѣлаго моря—«отъ Холмогоръ до Колы тридцать три Никола», по словамъ мѣстной поговорки, да и то, должно быть, довольно старой, потому что на самомъ дѣлѣ подлиннымъ счетомъ ихъ 40 (впрочемъ, по самому берегу моря попадается много придѣловъ Клименту, папѣ римскому, полагаемому вторымъ покровителемъ мореходовъ). По Зап. Двинѣ, по Вилии и по Нѣману, гдѣ православіе всего больше подвергалось гоненіямъ, народъ успѣлъ однако выстроить 109 церквей (губ. Витеб., Вил. и Ковен.) въ честь св. Николая, и изъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ: Петру и Павлу 20, Георгію Побѣдоносцу 38, Пятницѣ Параскевѣ 22, Ильѣ Пророку 30 и т. д.

Вотъ и еще новые признаки въ выкрикѣ сборщика, на которыхъ весьма поучительно остановиться: признаки очень почтенные по времени и по историческому значенію.

Ушедшіе язычниками по богатымъ системамъ рѣкъ, съ юга на сѣверъ, славяне, въ тѣ времена, когда вышли къ намъ для проповѣди святаго евангелія греки, владѣли уже укрѣпленными мѣстами и имѣли возвышенные пункты и особыя мѣста, посвященныя народнымъ божествамъ и религіознымъ обрядамъ. Византійскіе греки, съ помощію князей и подъ защитою ихъ дружинъ крестя народъ и знакомя его со святыми предстателями за человѣческія нужды, съумѣли сдѣлать такъ, что на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ, командующихъ окрестностями и круто оступающихся въ воду (обыкновенно въ рѣку), гдѣ славяне предпочитали избирать мѣста для богослуженій Перуну,—очутились храмы во имя Иліи. Точно также при рудникахъ, въ низинахъ и оврагахъ, при источникахъ рѣкъ, явились храмы Пятницы-Параскевы съ непремѣннымъ деревяннымъ изваяніемъ св.мученицы.

На выгонахъ городовъ, гдѣ пасется скотъ мѣстныхъ жителей, вѣреннѣй охраненію Велеса, встали христіанскія церкви во имя

священно-мученика Власія, и т. д. Факты эти чрезвычайно очевидны и послѣдовательны во всѣхъ мѣстахъ древней языческой Руси: на западѣ и сѣверѣ ея. Въ Кіевѣ, въ Черниговѣ и Мстиславлѣ, — словомъ, во всѣхъ мѣстахъ, сполучныхъ движенію проповѣдниковъ изъ Византіи, по Днѣпру и его притокамъ: Деснѣ, Сожу, Припяти, и т. д., первыя городскія церкви посвящены имени св. пророка Іліи. Только, когда выяснились между укрѣпленными пунктами центральные и главные, къ которымъ тяготѣлъ народъ, какъ вся Греція къ Византіи, появились храмы Господней «Премудрости» (Софіи), по примѣру великолѣпной извѣстной византійской. Софійскіе соборы, посвященные Софіи, т. е. Премудрости Слова божія, подъ которою разумѣется второе лицо Святой Троицы, воздвигались постепенно тамъ, гдѣ устанавливался центръ народной колонизаціи: въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, на Двинѣ въ Полоцкѣ, въ Новгородѣ на Волховѣ, въ Вологдѣ и Соликамскѣ (даже въ Тобольскѣ въ Сибири), — словомъ, во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые были первыми на Руси и начальными, и коренными центрами народной защиты и управы ¹⁾.

При дальнѣйшемъ переселеніи народа, уже окрещенаго въ христіанскую вѣру и дѣйствовавшаго въ дѣлахъ ея самобытно, а въ трудахъ переселенія, по голоднымъ необитаемымъ странамъ, не перестававшаго испытывать громадныя лишенія и трудности въ непролазныхъ лѣсахъ, среди безнадежныхъ болотъ, являлась единственная надежда, а за ней и горячая молитва Всемилостивому Спасу. Его имени воздвигался первый храмъ, лишь только нога людская ощущала подъ собою твердую и сухую почву и глаза видѣли обнадеживающее приволье. Такъ поступила полоцкая княжна Ефросинія въ первыя христіанскія времена на Руси (1160 г.) на р. Западной Двинѣ; точно также поступили и позднѣйшіе, самые дальніе и смѣлые высленцы Савватій и Зосима, основавшіе обитель на морскомъ острову (Соловецкомъ), въ 60 верстахъ отъ берега и жилыхъ

¹⁾ Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что дня празднованія Ипостасной Премудрости въ церковномъ порядкѣ не положено. Празднуютъ въ Богородичные праздники: въ Кіевѣ — въ день Рождества Богородицы, въ Новгородѣ и Вологдѣ въ день Успенія, въ Соликамскѣ — въ день Рождества, и т. д.

мѣсть, въ 1436 году. Встали Спасы: въ Холмогорахъ (первый на Сѣверной Двинѣ), въ Тотмѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Суздалѣ, Нижномѣ, Костромѣ, т. е. почти во всѣхъ сѣверныхъ городахъ, извѣстныхъ своею древностью. Въ той же странѣ, Сѣверо-Западной Руси, враждебной православію, до сихъ поръ 77 Спасовъ (изъ нихъ 46 Спасовъ-Преображенія), тогда какъ только 51 Троица, 17 церквей Св. Духа. Надежда на предстательницу христіанъ, скорую помощницу и молитвенницу Матерь Спасову не замедлила въ свою очередь выразиться во множествѣ храмовъ, посвященныхъ «Пречистой», но уже въ тѣ времена, когда переселенія, отъ вѣковаго опыта, стали легче, и страны оказались наиболѣе гостепріимными.

Сборщикъ подаяній, въ перечисленіи именъ упоминающій храмы Пречистой (всего чаще Успенія и Рождества ея), вѣрнѣе запрашиваетъ на село изъ московской Руси (восточной и центральной), чѣмъ тотъ, который указываетъ на храмы Спаса, въ наибольшемъ числѣ находящіеся въ западной и самой сѣверной Россіи. Въ этомъ для насъ опредѣлительно выражается этнографическій признакъ заселенія Сѣверной Руси двумя путями: на сѣверо-востокъ по землямъ Рязанскимъ, Муромскимъ, Владимірскимъ и Московскимъ съ именемъ Пречистой и первыми храмами въ честь Богоматери,—на сѣверъ же и востокъ по заволочьямъ, заозерьямъ и за камнемъ по Сибири Новгородскими людьми съ именемъ Спаса.

Во вторыхъ и третьихъ именахъ, сказываемыхъ сборщиками, всегда возможно, помимо повсемѣстно-чтимаго Николы, встрѣтить такіа, которые прославились въ позднѣйшія времена, когда явились отечественные угодники, мѣстно-чтимыя иконы, боготворимыя извѣстными окрестностями, въ опредѣленной, поставленной во взаимныя близкія отношенія, мѣстности. Зосима, Тихвинская Божія Матерь для сѣвера и сѣверо-запада Великороссіи, Θεодосій тотемскій, Кирилль для сѣверо-востока ея же, Макарій для Поволжья отъ Калазина до Нижняго и отъ Костромы до Вологды, и т. д. Точно такъ же, какъ Знаменье указываетъ на Новгородчину, имена Бориса и Глѣба несомнѣнно укажутъ на тѣ древнія русскія населенія, которые находились въ тѣсной религіозной связи съ Кіевомъ: на Черниговъ, Полоцкъ, Ростовъ и проч., а мѣстно-чтимыя имена, безъ

всякихъ догадокъ, очевидно выразить тотъ городъ или ближайшее къ нему село, откуда вышелъ прошакъ и гдѣ проявилась церковная нужда, выискивающая въ толпахъ народныхъ сердобольныхъ и христолюбивыхъ жертвователей.

Вышелъ прошакъ прямо съ сѣверо-запада, если просить на Спаса и Николу, да при этомъ окаетъ и придзекпваетъ, да прибавляетъ Илью, либо Параскеву-Пятницу. Идетъ онъ несомнѣнно съ кореннаго сѣвера, если къ Николѣ и Спасу присоединяетъ либо Знаменье либо Зосиму съ Савватіемъ, либо Тихвинскую Богоматерь, и при этомъ окаетъ. Если же упоминаетъ онъ Кирилла, то и мѣсто родины его гдѣ-нибудь въ Бѣлозерскомъ или Кирилловскомъ уѣздѣ, въ ко-ренной Новгородчинѣ.

Отсюда—какъ извѣстно—преимущественно уходитъ народъ и на вѣчныя времена, и на временныя отлучки для заработковъ, на столичные и городскіе соблазны, на отвычку отъ родины и на полузабытье всего въ ней завѣтнаго, считая въ томъ числѣ и приходскія церкви. Остается дома кое-кто: немощные да старые, очень малолѣтніе и несмышленные, походившіе и уставшіе, ничего не выходившіе и умѣющіе высиживать кое-что и дома. Все это хорошо всѣмъ извѣстно. Извѣстно всѣмъ также и то, что въ той же Новгородчинѣ и въ срединной московской Руси церковная обрядность, религіозная выѣшность всегда играли столь сильную роль, что изъ-за нихъ издавна ведется непримиримая тайная и явная борьба, выразившаяся многовѣтвистымъ расколомъ.

Тамъ, гдѣ устояли отъ соблазновъ раскола, православіе встало твердо. Приверженность къ церкви выражается самыми многоразличными признаками; любовь къ обрядовой части наполняетъ добрую долю въ цѣломъ году домашней и общественной жизни, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ доведена даже до крайностей. Приѣздъ архіерея волнуетъ цѣлое населеніе околodka отъ мала до велика; бросаются полевые работы; за архіерейской каретой бѣгутъ толпами; на архіерейскомъ служеніи захлебываются народомъ церкви, паперти и ограды. По отъѣздѣ, долго гудятъ басистые голоса въ торговыхъ рядахъ, на поляхъ и улицахъ подъ увлеченіемъ «толстоголосаго» и красиваго протодьякона. Церковные ходы представляютъ толпы, длиною въ цѣ-

лую версту, и въ теченіе лѣта такимъ крестнымъ ходамъ, поднятіямъ мѣстныхъ иконъ, обходамъ полей и молебнамъ на нихъ трудно подвести счетъ. Голосистыхъ дьяконовъ, не найдя въ своей, ищутъ по другимъ епархіямъ; краснорѣчивыхъ священниковъ переманиваютъ предложеніемъ добавочнаго содержанія; біографіи священниковъ знаютъ до подноготной и скажутъ не только кому кто племянникъ или дядя, но и кто кому доводится своякомъ или сватомъ, и т. под. Приверженность къ сельскому храму и его служителямъ, едва утлимая страсть къ церковнымъ обрядамъ представляются поразительными особенностями не только отдѣльныхъ личностей, но сплошь и рядомъ всего населенія, за малыми и едва уловимыми исключеніями.

Само собою разумѣется, что изъ всѣхъ выдѣляются неизбѣжно такіе, которые уходятъ дальше другихъ и доводятъ свою ревность до самопожертвованій, даже до фанатизма. Въ разрядъ этого рода ревнителей поступаютъ, разумѣется, люди наиболѣе оригинальнаго жизненнаго склада съ нѣкоторыми особенностями характера.

II.

Внѣшнія особенности людей подобнаго рода выражаются нагляднотѣмъ, что они раньше другихъ, съ первымъ ударомъ колокола, являются въ церковь, занимаютъ мѣста ближе къ алтарю, всего чаще становятся на клиросъ, и не остаются здѣсь въ рядовыхъ и заурядныхъ подголоскахъ, а спѣшатъ заявить себя видимымъ образомъ. Дѣлчки и понамари, не въ праздничные дни, когда пѣтъ у нихъ обыкновенія надѣвать на себя стихари, не прочь угождать этимъ ревнителямъ тѣмъ, что даютъ прочесть имъ часы, выпускаютъ на средину церкви для произнесенія апостола и, уходя раздуть въ алтарѣ кадило, предоставляютъ имъ читать псаломъ послѣ заамвонной молитвы. Болѣе заслуженные изъ нихъ допускаются помогать священнику въ алтарѣ. Они первыми прикладываются ко кресту. Они

безпокойны на клиросѣ: сходятъ съ него въ сѣверныя двери и выходятъ изъ нихъ по нѣскольку разъ во время обѣдни. Ихъ тревожить всякая нагорѣвшая свѣча, всякая на полу соринка. Они стараются быть всегда впереди и, оставаясь на виду, все-таки служатъ образцомъ для молельщиковъ. Установка ихъ на колѣни, земные поклоны и т. п. служатъ сигналомъ для прочихъ, не твердо знающихъ церковную службу. Для безтолковыхъ бабъ, приносящихъ дѣтей къ причастію, они являются укащиками и руководителями, и во всякомъ случаѣ вмѣшательству ихъ церковная служба обязана значительною долею своего благолѣпія и порядка.

Таковы они дома, въ своей сельской церкви.

Въ гостяхъ, въ чужихъ селахъ, посѣщеніе которыхъ въ храмовые праздники эти церковные ревнители считаютъ своею священнѣйшею обязанностію, они всегда поспѣшатъ обозначиться (становясь въ толпѣ, а не на клиросѣ) своимъ вмѣшательствомъ: вслухъ и доучно поютъ, съ воздыханіями предупреждаютъ возгласы и молитвы; сказываютъ довольно громко и свои придуманныя, и по книгамъ затверженныя. Во время праздничныхъ всенощныхъ поражаютъ они твердымъ званіемъ наизусть не только ирмосовъ двенадцатыхъ праздниковъ, но и стихиръ на «Господи воззвахъ» и «на Хвалитѣхъ».

Такихъ людей церковный причтъ коротко знаетъ, уважаетъ и охотно придерживаетъ около себя, позволяя съ готовностію, по ихъ желаніямъ, всякое невинное поползновеніе, въ родѣ переходовъ съ книгой съ клироса на клиросъ, чтенія шестопсалмія, и т. д. Иные доводятъ свою ревность до того, что начинаютъ ходить вмѣстѣ съ причтомъ съ праздничною «славой», не въ качествѣ павщиковъ, а безмездныхъ, изъ любви къ искусству, подголосниковъ. Ходятъ за тѣмъ лишь, чтобы подпѣвать, и глазами ищутъ случая выслушать приказаніе отъ священника или дьякона съ тѣмъ, чтобы немедленно его исполнить. Смѣло и сильно расталкиваютъ народъ въ церкви, больно толкаютъ въ бока эти ревнители, бѣгающіе либо за тѣмъ, чтобы позвонить, либо за просфорами, за угольями, за ладономъ въ кладовую. Довѣріе къ такимъ людямъ полное и, допущенные до крайнихъ интимностей духовнаго званія, они считаются уже «истинными сынами церкви». Ея интересы встаютъ для нихъ впереди всѣхъ дру-